

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

по поводу

„Инструкціи для дѣйствія роты и баталіона въ бою“.

Высокій авторитетъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ заставляеть каждаго военнаго съ особеннымъ уваженіемъ и вниманіемъ отнестись къ результату его трудовъ. къ «Инструкціи для дѣйствія роты и баталіона въ бою». Но уваженіе это не исключаетъ, а вызываетъ, какъ это сознано и самими составителями, серьезную критику выработанныхъ ими началъ. Пользуясь приглашеніемъ редакціи «Военнаго Сборника», я позволяю себѣ представить нѣсколько замѣчаній, вызванныхъ этой «Инструкціей».

Въ отдѣлѣ «общія правила» бросается въ глаза то обстоятельство, что «Инструкція» въ вопросѣ о разсыпаніи цѣпи дѣлаеть какъ будто бы шагъ назадъ. Какъ извѣстно, въ прежнее время уставъ нашъ требовалъ, чтобы при командѣ «разсыпаться» опредѣлялось число шаговъ *между* звеньями. Впослѣдствіи правило это отиѣнено и введенъ несравненно болѣе правильный пріемъ—назначеніе района для дѣйствія звена («но столько-то шаговъ на звено»). Вызывалась эта перемена сознаніемъ, что первый способъ разсыпанія, давая цѣпь слишкомъ однообразную на всемъ протяженіи, противодѣйствуетъ свободному и толковому примѣненію цѣпи къ мѣстности; правило же, вводимое нынѣ «Инструкціей», чтобы на каждую пару (а не на звено) приходилось отъ трехъ до шести шаговъ, стѣсняя районъ, въ которомъ людямъ предоставляеть свободный выборъ (районъ *пары* поведеть вдвое менѣе района звена), ведетъ опять къ слишкомъ большому однообразію цѣпи, которое безвредно только при очень густыхъ цѣпяхъ (въ родѣ турецкихъ, похожихъ болѣе на разомкнутый строй, нежели на цѣпь).

Мнѣ кажется, опредѣленіе густоты цѣпи числомъ шаговъ между звеньями, или на звено или пару, одинаково мало примѣнимо на дѣлѣ. Надо только прослѣдить, что нужно предѣлать ротному командиру для подобнаго опредѣленія и на сколько результатъ подобнаго труда можетъ

отвѣчать цѣли. Получивъ приказаніе занять цѣлью известное пространство, ротный командиръ долженъ на глазъ опредѣлить протяженіе будущаго фронта своей цѣпи, припомнить, сколько у него звеньевъ или паръ и сдѣлать наскоро дѣленіе, чтобы получить данныя для своей команды. Затѣмъ, каждое звено, расходясь, должно на глазъ опредѣлить, дѣйствительно ли оно заняло свое мѣсто правильно. Но, во-первыхъ, опредѣленіе на глазъ разстояній дѣло не особенно легкое, во-вторыхъ, помнить постоянно, сколько звеньевъ или паръ на лицо, не всегда возможно, такъ какъ убыль бываетъ и до и во время боя, и за убылью долженъ по преимуществу слѣдить фельдфебель, а не ротный командиръ, для котораго найдется довольно дѣла поважнѣе; въ-третьихъ, необходимо, чтобы каждое звено при движеніи обращало болѣе вниманія въ стороны, чѣмъ впередъ, что, конечно, не совсѣмъ удобно. При этомъ, принимая во вниманіе неизбежныя ошибки въ послѣднемъ расчетѣ ротнаго командира, чѣмъ точнѣе звенья или пары будутъ придерживаться указанныхъ имъ разстояній, тѣмъ чаще цѣпь займетъ или *слишкомъ много*, или *слишкомъ мало* пространства. Для пользы дѣла, слѣдовательно, необходимо нѣсколько небрежное отношеніе людей къ полученному приказанію—принципъ, который вовсе не желательно вводить въ войска.

Но возьмемъ самый благоприятный случай: или расчетъ ротнаго командира оказался совершенно вѣрнымъ, и люди въ точности придерживались указанныхъ имъ разстояній, или же люди исправили неточнымъ исполненіемъ приказанія ошибочную команду—въ лучшемъ случаѣ цѣпь займетъ *въ точности то пространство*, которое имѣлъ въ виду начальникъ или которое счелъ нужнымъ занять ротный командиръ. Но вѣдь оба, отдавая приказанія, должны были имѣть въ виду опредѣленную позицію (свою или непріятельскую), которую они могли обозначить *указаніемъ мѣста фланговъ*, что и должно было дать имъ основанія для своихъ соображеній. Къ чему же ведутъ всѣ эти расчеты ротнаго командира, все это отвлеченіе вниманія въ сторону? Опять же къ исходной точкѣ: фланги цѣпи пришлись въ точности на свои мѣста. Вѣдь и въ тактическомъ отношеніи важно или прикрыть цѣпью известное пространство, или занять известныя мѣстные предметы или дѣйствовать противъ известныхъ частей противника. Расчетъ всякаго наряда, всякаго назначенія основывается, слѣдовательно, на данныхъ мѣстности, а не на томъ, сколько нуль мѣтъ нужно въ минуту. Не проще ли въ такихъ случаяхъ, отбросивъ все ненужное, придерживаться только необходимаго, т. е. *указанія мѣста фланговъ*?

Команда могла бы быть слѣдующая:

1) *Такая-то часть въ цѣпь.*

2) *Направо — до леса, налево — до рѣчки (или камня, бугра, дороги и т. д., или же просто — фланги до цѣпи).*

3) *Шагомъ (бѣгомъ) — марш!*

Въ случаѣ, если мѣстность совершенно ровная, не представляющая никакихъ замѣтныхъ предметовъ, можно назначать протяженіе фронта расположеніемъ непріятеля, напримѣръ: *направо — на батарею, налево — на флангъ цѣпи* и т. д., или же, наконецъ, опускать совершенно вторую команду, что будетъ обозначать, что рота должна занять *нормальное* пространство въ 200 шаговъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ ближайшее распредѣленіе паръ на данномъ пространствѣ лежитъ на обязанности частныхъ начальниковъ въ цѣпи.

Въ отдѣлѣ «огонь цѣпи» проводится правило, что одиночный огонь изъ разсыпнаго строя долженъ примѣняться не далѣе 800—600 шаговъ, а на большія разстоянія — *исключительно* залпы или стрѣльба по командѣ.

Взгляды этотъ діаметрально огивоположенъ примѣнявшимся до сихъ поръ правиламъ, и одно это обстоятельство должно заставить отнестись къ нему нѣсколько осторожно. Здоровое развитіе не знаетъ скачковъ. Если же наши идеи о характерѣ стрѣльбы переходятъ изъ одной крайности въ другую, если залпы и одиночная стрѣльба *сразу* могутъ помѣняться у насъ ролями, то есть основаніе полагать, что гдѣ нибудь кроется ошибка. Во всякомъ случаѣ, принятіе подобнаго, столь *категорически* высказаннаго взгляда, ведетъ къ слѣдующему заключенію: если новый взглядъ вѣренъ — полная ошибочность въ дѣйствіи господствовала до 1879 года; если въ новомъ взглядѣ вкрадось недоразумѣніе — та же ошибочность будетъ господствовать съ 1879 года. Уже это одно должно было бы насъ удерживать отъ введенія подобныхъ рѣзкихъ пережѣвъ во взглядахъ, тѣмъ болѣе, что для пользы дѣла, по нашему мнѣнію, вовсе не нужна такая крайность.

Мнѣ кажется, что правила употребленія огня, въ томъ видѣ какъ они изложены въ «Инструкціи», очень близко походятъ именно на крайность. Если нужно было противодействовать ложному взгляду, что *дальніе* залпы вредны, то, мнѣ кажется, совершенно лишнее вводить новое заблужденіе, что одиночная стрѣльба на дальнія дистанціи бесполезна. Вообще правила для употребленія огня хороши лишь тогда, когда они даютъ извѣстный просторъ обстоятельствамъ. «Инструкція», конечно, должна установить правильные взгляды не значеніе каждаго рода

стрѣльбы, но, не ограничивая примѣненія ихъ какими бы то ни было стѣсняющими правилами, а предоставляя каждому начальнику примѣнять эти взгляды, соображаясь съ условіями, въ которыхъ онъ находится.

Еще въ 1873 году я, наравнѣ съ многими, не раздѣлялъ предразсудковъ противъ дальнихъ залповъ; поэтому не могу не радоваться, что «Инструкція» стремится побороть послѣдніе остатки этихъ предразсудковъ; но мнѣ кажется, что она въ этомъ отношеніи грѣшитъ нѣкоторымъ увлеченіемъ. По прошествіи шести лѣтъ и послѣ опыта прошлой кампаніи, я еще болѣе склоненъ полагать, что единственно вѣрныя взгляды на боевую стрѣльбу—суворовскіе; каковы эти взгляды относительно залповъ, я старался въ свое время указать въ статьѣ «Суворовскій залпъ» («Воен. Сборн.» 1873 года, т. ХСII, № 7-й, стр. 63-я), почему считаю возможнымъ теперь не касаться болѣе этого предмета, отсылая интересующихся къ самой статьѣ. Введеніе суворовскихъ залповъ со всѣми ихъ послѣдствіями, представляя собой не скачокъ въ противоположную установившимся взглядамъ крайность, а естественное развитіе въ понятіяхъ нашихъ о стрѣльбѣ вообще и о залпахъ въ особенности, предохранить насъ отъ опасныхъ увлеченій и впослѣдствіи отвѣтить всѣмъ требованіямъ дѣла. вмѣстѣ съ тѣмъ, оно избавитъ насъ отъ усложненія устава введеніемъ новаго рода стрѣльбы «опредѣленнымъ числомъ пуль», являющимся сурогатомъ суворовскаго залпа.

Въ IV отдѣлѣ «о резервѣ» встрѣчается совѣтъ резервамъ, на мѣстности, не представляющей закрытій—*ложиться*. Правило это не слѣдуетъ принимать или рекомендовать безъ оговора. До сихъ поръ мало обращаютъ вниманія на то, что не всегда выгодно ложиться въ видахъ уменьшенія потери; наоборотъ, это часто вредно. Вопросъ, выгодно ли ложиться или нѣтъ, находится въ прямой зависимости отъ величины угла паденія непріятельскихъ пуль и снарядовъ. Ложиться выгоднѣе только тогда, когда уголъ паденія пули менѣе 45° ; при 45° будетъ безразлично стоять или ложиться, при большемъ углѣ выгоднѣе стоять. Очевидно, что, вступая въ сферу непріятельскаго огня, первое время резервамъ выгоднѣе не ложиться. Разстояніе, на которомъ выгодно ложиться, зависитъ прямо отъ свойствъ вооруженія противника. Но такъ какъ на практикѣ, даже зная на какомъ разстояніи уголъ паденія непріятельскихъ пуль равенъ 45° , трудно опредѣлить дистанцію и сообразить, гдѣ нужно лечь, гдѣ нѣтъ; съ другой стороны, непосредственное наблюденіе угла паденія невыселимо; поэтому слѣдуетъ и

въ «Инструкціи» стараться провести въ сознание всѣхъ ту истину, что уменьшеніе потерь достигается возможно быстрымъ сближеніемъ съ неприятелемъ на такую дистанцію, чтобъ попасть подь *восходящую* вѣтвь траекторіи (слѣдовательно, чѣмъ ближе, тѣмъ лучше), гдѣ каждое, даже повидимому незначительное, закрытіе лучше сбережетъ отъ пуль, чѣмъ при нисходящей вѣтви траекторіи громадныя закрытія. Я самъ былъ свидѣтелемъ въ прошлую кампанію, какъ солдатъ въ резервѣ, лежа за камнемъ, чуть не въ сажень высоты, былъ раненъ пулей въ поясницу. Не даромъ послѣднія двѣ кампаніи представляютъ массу примѣровъ, что по мѣрѣ сближенія съ противникомъ потери или не возрастаютъ, или даже уменьшаются. Ближе къ неприятелю легче найти закрытія и тамъ ложиться слѣдуетъ всегда.

Мнѣ могутъ возразить, что ложиться *всегда* полезно въ виду успокоенія людей *кажущегося* безопасностью. Но надо помнить, что натуру всѣхъ людей нельзя подводить подь одинъ уровень. Въ прошлую кампанію мнѣ самому многіе весьма храбрые офицеры сознавались, что они въ цѣпи никогда не ложатся, не потому, чтобы они искали смерти или же желали рисоваться, а просто потому, что они чувствовали себя лучше стоя. Для нихъ было бы особеннымъ подвигомъ храбрости— *лечь съ плчи*. Точно также, можетъ быть нѣкоторые маленькіе, немногочисленные тучные офицеры не спѣшивались въ цѣпи не изъ излишней храбрости, а потому что чувствовали себя свободнѣе на конѣ. Вообще всякій поступаетъ подь пулями согласно своимъ личнымъ особенностямъ, и мѣры успокоенія не могутъ быть для всѣхъ одинаковы: что одного ободряетъ, то другаго разстраиваетъ окончательно.

Капитанъ Шнеуръ.